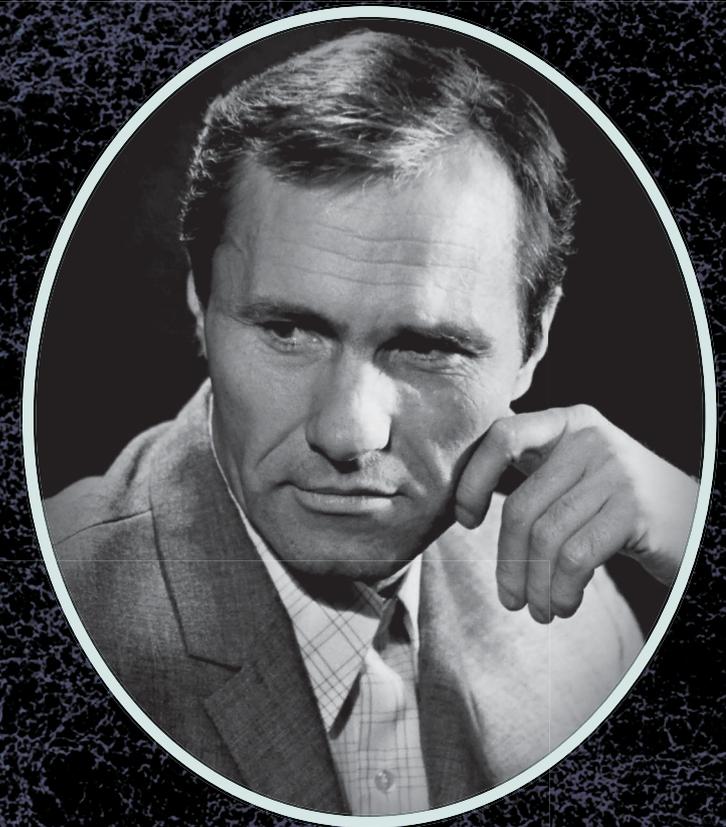

Василий ШУКШИН

Собрание
сочинений
в одной книге

Василий
ШУКШИН

Собрание сочинений
в одной книге

Любавины

Я пришел дать вам волю

Калина красная

www.bmm.ru

ISBN 978-5-9910-2320-7

9 785991 102320 7

www.trade.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-4800-0

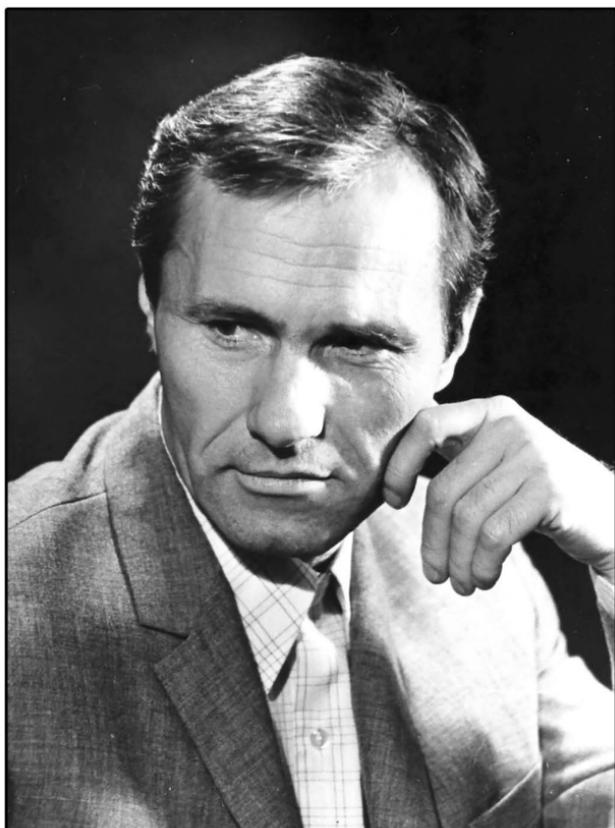
9 789661 448000 0

О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию
Федеральный закон Российской Федерации № 436-ФЗ от 29.12.2010

12+

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Собрание сочинений
в одной книге

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2013 ДОСУГА

УДК 821.161.2

ББК 84.4РОС

Ш95

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

Шукшин В. М. Собрание сочинений в пяти томах. —
Бишкек : Венда, 1992. — Переиздание. —
Екатеринбург : ИПП «Уральский рабочий».

Составитель *Д. Е. Веселов*

Вступительная статья *Льва Аннинского*

Комментарии *Л. Аннинского, Л. Федосеевой-Шукшиной,*
В. Панюты

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-4798-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2318-4 (Россия)

- © В. М. Шукшин. Наследники, 2013
- © Л. Н. Федосеева-Шукшина, комментарии, 2013
- © Л. А. Аннинский, вступительная статья, комментарии, 2013
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2013
- © ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013

Шукшинская жизнь

Лев Аннинский

Лицо. Характер.
Обоснование темы

Он рассказывал: «Как киноактера меня на улицах узнают. Но в большинстве в таком роде: “Мы с вами не работали на Севере на лесозаготовках? Больно уж лицо знакомое...”»

«Лицо знакомое...» Останавливает, а чем — непонятно. Лицо, как у тысяч, — типичное. Таким может быть лицо лесоруба-таежника, шофера дальней трассы, директора сельской школы, если он не из приезжих, а из местных. Острые сибирские скулы, вырубленный подбородок, твердый рот, словно сведенный у углов морщинами, массивный лоб, из-под которого, как из амбразур, настороженно глядят узкие, прищуренные глаза, — фактура жесткая, определенная, типичная. Что же приковывает? Вдруг — улыбка, странная меж этих бугрящихся желваками скул. Вдруг — смех в глазах, как разряд тока. И еще — в бровях что-то... Неуловимое движение — и в бровях душевная боль. Остановить это впечатление вы не можете: оно мгновенно. А вглядываетесь — типаж: скулы, складки у рта, русый чуб: слесарь, рыбак, машинист...

Судьба наделила Василия Шукшина не только удивительным по типичности лицом — она наградила его и соответствующим ранним опытом. Родился на Алтае в 1929 году; родился двумя годами раньше — был бы на фронте. Но война сделала свое дело: вытолкнула из деревенского детства и погнала по земле искать заработка. Там, где у обычных детей мирного времени располагаются «старшие классы» и «высшее учебное заведение», — у Шукшина лежит десятилетие ранней работы, из которого, собственно, и вышли впоследствии все его книги,

все фильмы и роли. Вкалывал слесарем на заводе во Владимире, строил литейный завод в Калуге, был разнорабочим, грузчиком, матросом, директором сельской школы, секретарем райкома комсомола... В конце этого десятилетия — финал скитаний: приемная комиссия ВГИКа.

Явился туда — «сермяк сермяком», во всем солдатском. «Вышел к столу. Ромм о чем-то пошептался с Охлопковым, и тот... серьезно так спрашивает: “Слышь, земляк, где сейчас Виссарион Григорьевич Белинский работает? В Москве или в Ленинграде?” Оторопел: “Критик-то который?..” — “Ну да, критик-то”. — “Да он вроде помер уже...” А Охлопков... совсем серьезно: “Что ты говоришь?” Смех кругом...»

Любопытнейшая сцена! С точки зрения элементарной логики — более чем странная. Что ж, Охлопков действительно думает, будто человек, работавший директором школы, не слышал о Белинском? Да ни в коем случае! Или Шукшин заблуждается насчет этой проблемы? Смешно! И все ж подспудный смысл в этой сцене есть: перед нами — мгновенная актерская импровизация, в ходе которой партнеры провоцируют друг друга. Начинает Охлопков; он провоцирует в Шукшине «сермяка», не к личности адресуется, а именно к типу: «Слышь, земляк...» А Шукшин? Он выдерживает игру, но в том, как он выдает требуемый ответ, угадывается встречный вызов: «Ну, и далеко ли мне надо зайти в этом посконстве?» Я прошу читателя прочувствовать в его реакции главное: играть-то он «сермяка» играет, но словно вынужденно, и страдает при этом, и душа его ищет совсем другого.

«...Смех кругом, а мне-то каково...»

В этой сцене, которую впоследствии Шукшин вспомнил в одном из своих интервью, как бы свернута вся его последующая творческая драма: преодоление типажности, преодоление комического амплуа, преодоление всего того, что сковывало личность.

Его приняли во ВГИК.

* * *

В середине 70-х годов Шукшин-актер начал играть наконец у Шукшина-режиссера.

Два фильма, вышедшие один за другим, составили его нераздельную режиссерскую и актерскую славу, славу действительно всенародную. Два фильма, разом перечеркнувшие в его сознании и все прежние его режиссерские работы, и все его прежние роли. Он так и сказал в одной из предсмертных бесед: всего-то и сделано в жизни: три-четыре книжечки и два фильма.

...И два фильма: «Печки-лавочки» и «Калина...».

Загадка первого из них заключается в том, что глубочайшая психологическая драма выявлена здесь через сюжет традиционно-анекдотический. Веселые приключения колхозника, впервые едущего на курорт в транссибирском экспрессе, — какая там драма! Однако драма есть, и серьезнейшая. И неотвратимо закономерная в творческом пути Шукшина. Вспомним: первая же его картина — «Живет такой парень» — была попыткой согреть повседневные будни, поселив в них добрую, невинную, детскую душу. Актерски Шукшин передоверил этот сюжет улыбчивому Куравлеву — словно чувствовал, что его собственное лицо, жесткое и «пристальное», разрушит замысел... Теперь впервые Шукшин попробовал сам вжиться в эту мучающую его ситуацию, когда человек, полный детской доброты и наивного достоинства, входит в спешащий мимо него поток... то бишь садится в экспресс Барнаул — Москва — Сочи...

И вот — не дают нашему Ивану Расторгуеву быть добрым! Первый же попутчик тыкает ему, оскорбляет «хамом». Иван отвечает грубостью. Следующий попутчик покоряет обходительностью, а оказывается вагонным вором... А Иван — все никак линию не найдет. От третьего попутчика оборонился, как от вора, а это оказался честнейший человек — московский профессор — зря, выходит, обидел его... Идет цепочка блистательно разыгранных недоразумений, за которыми копится драма: не получается у Ивана быть добрым! Все невпопад! Все в дураках остается.

В этом фильме Шукшин-актер впервые находит себе адекватного игрового партнера — это Лидия Федосеева. Отныне она становится главной героиней фильмов Шукшина и его жизненным спутником; можно сказать, что именно роли в шукшинских фильмах создают ее, как актрису, подсказывают ей открытие характера; впереди у Л. Федосеевой — триумф: роль Любы

Байкаловой в «Калине красной», апофеоз бесконечно терпеливой русской женской любви; но найден характер — в «Печек-лавочках», и найден — именно в «сцепке» с характером шукшинского героя: Л. Федосеева играет здесь милую, доверчивую Нюру, жену Ивана, она как бы воплощает все то детски доброе, что в нем самом искажено, спутано и задавлено. Только в «Калине красной» — это понимающее, прощающее женское начало отделится и отдалится от героя, как несбыточное, здесь же оно еще близко и рядом... Близко и рядом и все-таки бессильно снять ложность, которая зловещим отсветом лежит на веселых эпизодах «Печек-лавочек».

Веселье вдруг обрывается в самой кульминации фильма. Хотя по номиналу это вполне смешной эпизод. Профессор приглашает Ивана в университет: просит рассказать ученым-лингвистам о деревенской жизни. Ситуация чудовищная (это они пришли поглядеть на «одного из тех, кого называют языкотворцем, хранителем языка» — как в зоопарк пришли). Шукшин-режиссер убирает из кадра зал, оставляя Шукшина-актера, как в *вакууме*. Тот рассказывает свои деревенские байки, а кому — непонятно. Действие заходит в невыносимый эмоциональный тупик: путешествие простодушного добряка в люди срывается — контакта нет; из добра выходит посмешище; анекдот дышит неясным трагизмом...

Шукшин обрывает фильм шуткой: хватит этих печек-лавочек! Побаловались — и будет. Иван сидит на родной земле, счастливый, что вернулся. Все, ребята! Конеч! Попытка влезть в шкуру веселого Пашки Колокольникова не состоялась. Разве что в шутку... А если — всерьез? Путешествие на курорт — это шутка, эпизод, отпуск. Из реальности — какой может быть «отпуск»? А реальность испытывает человека не пустяшными недоразумениями: она — душу пробует...

Трагический сюжет «Калины красной» обнаружился из-под анекдотического сюжета «Печек-лавочек». Здесь, в «Калине красной», духовный «вопрос» Шукшина поставлен с последней остротой.

Киносценарий «Калины...» (киноповесть), опубликованный в одном из журналов, не вызвал особого интереса критики: так, мелодрама об уголовнике, который хотел исправиться, а его

друзки убили. Фильм «Калина красная» вызвал гигантский, просто шквальный интерес в самых широких слоях народа. Объяснение этого факта просто: лицо Шукшина. Лицо Егора Прокудина в центре фильма. В кольце недоверия, презрения, ненависти, в кольце фарса и лжи уголовной «машины» — искаженное, ощеренное, загнанное лицо бывшего доброго человека. Уберите лицо — останется фарс и ложность, мелодрама и сентиментальность. Вглядитесь в лицо — какая драма сокрыта в нем! Какое неубитое достоинство, какой самосжигающий зуд! Здесь — финал и исчерпание внутренней темы всего творчества Шукшина: темы душевной нежности, которая никак не умеет осуществиться. Человек не хочет жить, потому что у него не хватает сил быть добрым.

«Полагаю, что он своей смерти искал сам, — признался впоследствии Шукшин. — У меня просто не хватило смелости... я оставил за собой право на нелепый случай, на злую мстительность отпетых людей...»

Конечно, убийцы Егора упростили дело. Но не будь их — трагедия все равно бы свершилась. Герой Шукшина мог не быть уголовником — он мог быть шофером, которого унизили рублевкой, бригадиром, на которого наорал прораб, прорабом, на которого с презрением покосились въезжающие в дом жильцы, — потому что неотменима в творчестве Шукшина его нравственная тема: выстраданное добро, к которому пытается прийти искаженная жизнью душа. Полюбите нас черненькими...

Трагический исход «Калины красной», при всей его исключительности для творчества Шукшина (напомню: у него редки выстрелы, и страшное часто притворяется смешным), выявляет одну существенную черту: его герой всегда — так или иначе — противостоит обстоятельствам, он — как бы вне потока, против потока. Поэтому в эпизодических ролях Шукшин-актер часто присутствует как случайно заплывший сюда айсберг: в сюжете — десятая часть, а девять десятых — где-то в нездешней, немереной глубине. Как в «Даурии»: идет действие, а там, на каторге, — Василий Улыбин; все о нем говорят, а его нет; он только потом появится — командиром бронепоезда, и то на минуту... Или — одна из последних ролей Шукшина в фильме Н. Губенко «Если хочешь быть счастливым» — рабочий, у которого берут

телеинтервью: он в микрофон говорит, что надо, а сам усмехается: я бы, мол, рассказал та-ко-ое, да ладно! Всю жизнь шукшинский герой — поперек потока, не слит с ним, спорит с ним...

А теперь попробуем ответить на вопрос о том, какое место в творчестве Шукшина занимают его актерские работы и какое место Шукшин-актер занимает в нашем искусстве.

Это только теоретически трудно «отделить» в его работах актера от режиссера и сценариста. А вот поставили его друзья и последователи фильм «Земляки». Сценарий — шукшинский. И в режиссуре его стиль «почти воспроизведен»: спокойные сельские пейзажи и острые, драматические мизансцены. Играет другой актер ту роль, что Шукшин для себя писал, — играет все, что надо по роли: человека, который «ни там ни тут», ни в городе ни в селе, мучительную попытку сломать себя играет, — и даже движением губ, глаз кое-где цитирует Шукшина, — но нет в нем нерва, злости нет, темы шукшинской нет.

Отсутствие Шукшина-актера в идущих за ним его работах помогает определить смысл его присутствия в нашем кино, в нашей культуре, в нашей духовной жизни. Ибо Шукшин — важнейшая фигура нашего кино конца 60-х — первой половины 70-х годов. И тема здесь — новая, и вопросы новые, и ответы. Нет в Шукшине-актере той оттаивающей мягкости, которая была свойственна лучшим актерам конца 50-х годов (Баталову, например), и нет той обезоруживающей, гибкой, податливой, во все и вся воплощающейся, все и вся преобразующей человечности, которую в начале 60-х годов открыл Смоктуновский. В горькой жесткости Шукшина-актера явился совершенно новый характер, новый путь и новый опыт: просветление, выношенное в самой тяжелой судьбе, в самой жесткой душе, — болью тронутое, покаянием выстраданное.

Посмертная слава Василия Шукшина есть детонация этого открытия. Ни одна чисто профессиональная сфера его деятельности не объяснит и не оправдает этой обвальнoй славы: ни о «хорошем писателе», ни об «интересном режиссере», ни даже о «любимом актере» так не жалеют. Только о человеке, передавшем нам нечто высшее: свой духовный опыт.

Трагический духовный опыт. Уникальный. Всеобще важный для нас.

Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...

Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку.

Мы умели жить. Помни это. Будь человеком.

В. Шукшин

21 августа 1974 года

Любавины

Книга первая

Часть первая

1

Любавиных в деревне не любили. За гордость. Жили Любавины как в крепости: огромный крестовый дом под железной крышей, вокруг дома — заплот из вершковых плах. В ограде днем и ночью гремят проволокой два волкодава с красными, злыми глазами.

Мужиков Любавиных пятеро: отец и четыре сына. Спокойные, угрюмые, с насмешливыми умными глазами вприщур.

Старик Емельян Спиридоныч — огромный и угловатый, как коряга. Весь зарос волосами. Волосы растут у него даже в ушах. Скуластое, грубойковки лицо не выражает ничего, кроме презрения. Уважал Емельян в человеке только силу. Хозяйство за жизнь сколотил крепкое, гордился этим и учил сынов жить так же. Сумеют — можно лучше. Сыны не то что уважали его, скорее — побаивались, поэтому слушались.

Старший — Кондрат. Медлительный, лобастый, с длинными руками. Больше смотрел вниз. А если взглядывал на кого, то исподлобья, недоверчиво. Людям становилось не по себе от такого взгляда. Вообще редко кто испытывал желание «покалякать» с ним о жизни у ворот перед сном грядущим. Кондрат не страдал от этого. Верил только отцу, отцовскую житейскую мудрость принимал безоговорочно. Знал в жизни одно — работать. И работал от зари до зари — молча, терпеливо, упорно. На все остальное смотрел, как и отец, презрительно. Не выносил, когда при нем много разговаривали.

Второй сын — Ефим.

Этот помягче был. Умел разговаривать с людьми, иногда улыбался. Но улыбался так — для солидности. Был он мужик хитрый. Сам про себя знал: не оплошает в трудную минуту, найдет выход.

Жил он отдельно, своим хозяйством. Как-то незаметно вывернулся из-под влияния отца... Но своей самостоятельностью не раздражал его. Зря не спорил. Приходил советоваться к родным. Охотно поддакивал отцу, а за душой таил другое, свое. Братья понимали, что Ефим себе на уме. Было ему за тридцать.

Третий — Макар. Самый «суетливый» из всех Любавиных. Ходил в чистой рубахе, волосы аккуратно причесывал. Лицо красивое и злое. В глазах его постоянно таился ядовитый смехок. Любил подражаться. Обиды никому не прощал, не спал ночами, стонал, ворочался — выдумывал один за другим коварные мстительные планы. В драке мог в любую минуту выхватить из-за голенища нож и в свалке под шумок запустить кому-нибудь под ребро.

Парни боялись его. Он знал это.

Самый младший из братьев — Егор. Задумчивый парниша, круглолицый и стройный, как девка. Будь он немного разговорчивее и веселее, любая закрыв глаза пошла бы за ним. Было в его лице что-то до боли привлекательное: что-то сильное, зверское и мягкое, поразительно нежное — вместе. Но он почти ни с кем не разговаривал и улыбался редко, неохотно. На девок, однако, смотрел и снился им ночами.

Эти двое не были еще женаты.

2

Ранняя весна 1922 года.

Темными мокрыми ночами с шумом, томительно и тяжело оседал подтаявший снег, и в лесу что-то звонко лопалось с протяжным ликующим звуком: пи-у...

За деревней, на сухих прогалинах, до самой зари хороводилась молодежь. Балалаечники, настроившись по двое, высекали из своих тонкошеих инструментов неукротимый серебряный зуд.

Парни топтали тяжелыми сапогами матушку-землю — плясали, пели частушки с матерщиной, часто дрались... Просилась наружу горячая молодая сила.

А над рекой, пронизывая сырую, вязкую тишину медным витым перебором, голосила великая сводница — тальянка. Дев-

ки рассыпали по доскам шатких мостков сухую крепкую дробь, пели зазывные припевки.

Жизнь шла своим чередом.

Первым, как всегда, проснулся Емельян Спиридоныч. Он спал на кровати. Укрывался зимой и летом тулупом.

Скинул на пол босые ноги, достал пятерней промеж «крыльцев», зевнул и пошел в сени умываться.

На печке неслышно, как тень, завозилась хозяйка — Михайловна. Привычно перекрестилась и прошептала:

— Господи, Господи, прости нас, грешных...

В горнице жалобно скрипнуло старое кроватное железо — проснулся Кондрат. Несколько раз глухо и густо кашлянул; понесло махрой. Он тоже один спал — жена лежала в больнице, в уезде.

На полатах досыпали свои законные — по молодости — минуты Макар с Егором. Егор спал с краю, вытянувшись во всю длину полатей. Рядом, скрючившись, закинув ноги на брата, похрапывал Макар. Эти проклятые ноги Егор каждую ночь то и дело скидывал с себя, матерился негромко... Но все равно к утру ноги обязательно лежали на нем.

Емельян вернулся из сеней, приглаживая на ходу кудлатую голову. Сказал, ни к кому не обращаясь:

— Сёдня пригрет здорово.

— Всё уж... Паска на носу, — откликнулась Михайловна. Она затапливала печку.

Емельян Спиридоныч обулся, встал на припечье, тряхнул Егора:

— Подымайтесь.

Егор легко отнял от подушки голову, вытер ладонью губы, полез с полатей. Макар, не открывая глаз, перевернулся на другой бок и снова захрапел. Он вставал последним. Приходил с улицы обычно к свету, спал самую малость, а утром его вместе со всеми поднимал отец. Макар боролся, как мог, за лишнюю минуту сна. После каждого оклика он уползал все дальше в глубь полатей и под конец оказывался у самой стенки. Там отец доставал его ухватом. Толкал в бок железными рогами и говорил беззлобно:

— Ты гляди, что выделявает, боров... спрятаться хочет. Эй!

Макар поднимался злой и помятый. Ворчал:

— Пихает, как колоду... Они же востры!

Младшие братья наскоро ополоснули лица, пошли во двор убираться — задавать корм скоту, поить лошадей...

Занимался рассвет.

По всей деревне скрипели ворота, колодезные валы, гремели ведра. Переговаривались, покашливали люди. Из края в край, то стихая, то с новой силой, весело горланили петухи. Где-то отчаянно ломилась из закутка свинья.

Небо было ясное. Воздух стоял чистый, по-утреннему свежий, с тонким запахом дыма и парного молока.

Макара слегка пошатывало — не выспался.

В конюшне, взнуздывая жеребца, он тоскливо попросил брата:

— Сделай один, а? Я где-нибудь придавлю с часок. Прямо с ног ведет — до того спать охота.

— Лезь, спи, — согласился Егор. — Только подальше куда-нибудь.

Макар забрался на сеновал, зарылся в сухое пыльное сено, с величайшим удовольствием зажмурился... Засыпая, забормотал:

— Жили же цари, мать их в душу! Спали сколько влезет...

Егор погнал на реку лошадей.

По Баклани густо шел лед. Над всей рекой стоял ровный сплошной шорох. В одном месте, на изгибе, вода прибывала к берегу. Льдины покрупнее устремлялись туда, наполнили на берег, разгребая гальку... Показывали скользкие, изъеденные вешней водой морды, нехотя разворачивались и плыли дальше. Умирать.

Сразу за рекой начиналась тайга — молчаливая, грязно-серая, хранившая какую-то вечную свою тайну... А дальше к югу, верст за сорок, зазубренной голубой стеной вздыбились горы. Оттуда, с гор, брала начало бешеная Баклань, оттуда пошла теперь vorочать и крошить синий лед.

Безлюдье кругом великое. И кажется, что там, за горами, совсем кончается мир. У бакланских бытовало понятие «горы», «с гор», «в горы», но никто никогда не сказал бы «за горами». Никто не знал, что там. Может, Монголия, может, Китай, что-то чужое. Свое было к северу. Туда и тайга пореже и роднее, и паш-

ни случались, и деревни — редко, правда, там, где милостью Божьей тайга уступала людям землю. Уступила она землицы и бакланским — пашни начинались за деревней большой черной плешинной в таежном море. Туда же, к северу, вела единственная дорога из Баклани (к районному селу и уездному городку). А на юг петляли тропки к пасекам, охотничьим избушкам и на покос.

Молчание тайги и гор задавило бы людей, если бы не река — она одна шумела на всю округу.

Быстро светлело. От воды поднимался туман. Егор зябко ежился, посвистывал лошадям, чтобы они дружнее пили. Лошади одна за другой отходили от воды, вздрагивали — вода была студеная.

Напилась последняя — маленькая жеманная кобылка по кличке Монголка, любимица Емельяна Спиридонича.

Приехав домой, Егор засыпал коням овса, убрался со скотиной, наколот дров для бани — суббота была, — пошел будить Макара.

— Айда завтракать.

— А?

— Пошли. Всё.

— Пошли. — Повеселевший Макар — маленько урвал, — разминая затекшие ноги, пошагал в дом.

Завтракали все вместе.

Во главе стола — Емельян Спиридонич. По бокам — сыны.

Ели молча, аккуратно и долго. Сперва была лапша с гусятиной, потом жаренная картошка со свиной.

Емельян Спиридонич рукой брал со сковороды куски мяса и прятал в лохматый рот. С удовольствием, громко жевал. Поесть в этом доме любили.

Наконец старик отвалился, размахнул на половинки большую, как веник, бороду... Сказал, покосившись на икону:

— Слава Богу.

Стали подыматься. Зашарили по карманам кисеты.

Емельян Спиридонич, сыто икая, говорил о делах:

— Мы с Кондратом сёдня поедем в Березовку. Я сон хороший видал, — может, к добру.

В Березовке один лукавый татарин продавал редкого, знаменитых кровей, жеребца. Этот жеребец не давал старику Любавину покоя ни днем ни ночью. Но татарин ломил страшную цену. Три раза скупой Емельян Спиридоныч ездил торговаться и три раза приезжал ни с чем. Последний раз сгоряча заявил татарину:

— Сукин ты сын, идол! Полмешка мильенов — тебе мало?! Не продашь — я его так уведу, харя!

Татарин засмеялся ему в лицо, дыша губительным запахом неслыханной крепости табака и лука.

— У тебя коней больше... смотри!

Сегодня Емельян Спиридоныч решил съездить еще раз. Сон видел такой:

— Вижу, быдто за поскотиной, наспротив Логушиной избенки, сидит волк. Во-от такой волчина — лоб как у коня. Мне так сердце резануло. Думаю: бежать? — догонит, хуже будет. Я взял да лег...

— В штанах ничего не оказалось? — поинтересовался Макар. Емельян Спиридоныч нехорошо поглядел на сына.

— Я вот ломану чем-нибудь вдоль хребта — у тебя враз окажется, сопляк.

— Они шибко умные стали, — хмуро заметил Кондрат, увидев, что Егор отвернулся и трясется от смеха.

— Ты вот что, — повысил голос отец, презрительно и властно глядя на Макара, — перекуешь сѣдня всех коней и договорись насчет борон.

Макар сразу поскучнел — он решил было денек погулять, раз отец уезжает. Скосоротился, пошел в горницу.

— Платить надо кузнецу-то. А то уж неловко даже! — громко заявил он оттуда.

— Скажи — нечем пока платить. После.

— Не будет ковать.

— А ты раньше время не распускай слюни. Не будет — тогда заплати. Ты, Егорка, поплывешь в остров за чашшой.

Егор надетярявал у порога сапоги.

— Шуга-то не прошла еще, — буркнул он.

Емельян Спиридоныч выкатил из печки уголек, долго сопел, прикуривал. Потом вытолкнул из густых зарослей бороды и усов белое облачко, спокойно сказал:

— Ни хрена с тобой не случится. Барышня какá! Иди, Кондрат, закладывай. Надо успеть, пока дорога не раскисла.

Кондрат молчком оделся и вышел.

Емельян Спиридонич долго надевал тулуп, минут пять искал папаху... Подпоясался цветной опояской, взял под мышку рукавицы-лохмашки, остановился у порога.

— Ну? — У него привычка такая была: перед уходом из дому останавливался у порога, оглядывал избу и спрашивал: «Ну?»

— Ты... это... — Михайловна пошла его проводить. — Много шибко запросит, так уже не берите. Что их, косяк целый держать? А ребятам строиться скоро — деньги надо...

— Там поглядим, — уклончиво сказал Емельян Спиридонич. Он никогда серьезно не советовался с женой.

Когда отец вышел, Егор распрямился и сказал брату с горечью:

— Договорился на свою голову?

Тот откликнулся из горницы:

— Ты думаешь, он без этого не нашел бы нам работы? У него жила не выдержит.

Егор ногой задвинул банку с дегтем под печь, пошел в горницу.

На скрип двери Макар метнулся к кровати, быстренько сунул что-то под одеяло.

— Не прячь, я уж видал его.

— Кого?

— Обрез твой. Доиграться можешь. Давеча поил коней — приметил: двое каких-то приехали опять. С Колокольниковым из сельсовета шли.

— Из уезда нагрянули?

— Наверно, откуда же...

Макар картинно подбоченился, прищурился на брата.

— Им, Егорушка, надо ноги на шее завязывать, этим властям всяким. А вы с девками пузыри пускаете. Конечно, они скоро на голову сядут.

Егор ничего не ответил. Это был сложный вопрос — как относиться к властям. Они не трогали его. У Макара с ними особый счет, он уже отсидел месяца три в районной каталажке — за хулиганство.

Содержание

«Шукшинская жизнь»	5
Любавины	41
Я пришел дать вам волю	607
Калина красная	995
Комментарии.....	1074

Літературно-художнє видання

ШУКШИН Василь
Зібрання творів в одній книзі
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Відповідальний за випуск *К. В. Шаповалова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректори *О. М. Пікалова, К. І. Гайдей*

Підписано до друку 29.01.2013. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 57,96. Наклад 15 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.ttornado.com.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ШУКШИН Василий
Собрание сочинений в одной книге

Главный редактор *С. С. Скляр*
Ответственный за выпуск *Е. В. Шаповалова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректоры *О. Н. Пикалова, Е. И. Гайдей*

Подписано в печать 29.01.2013. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 57,96. Тираж 15 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.ttornado.com.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

Одесское

подразделение

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@lc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Шукшин В.

Ш95 Собрание сочинений в одной книге / Василий Шукшин ;
сост. Д. Е. Веселов ; вступ. ст. Л. Аннинского ; коммент. Л. Аннин-
ского, Л. Федосеевой-Шукшиной, В. Панюты. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО
«Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 1104 с.

ISBN 978-966-14-4798-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2318-4 (Россия)

УДК 821.161.2
ББК 84.4РОС